

Отвергая двойственную характеристику Андроника как порождение не действительности, а историографии, Радойчич принимает концепцию Фальмерайера (стр. 67 и сл.) и характеризует последнего Комнина как выдающегося политического деятеля, консолидировавшего империю (стр. 71—73). Прославление Андроника влечет за собой уничтожение Мануила, ибо реформы Андроника становятся естественными лишь при допущении, что Мануил привел империю к развалу. И действительно, Радойчич рисует безотрадную картину положения страны при Мануиле: динаты захватывают земли крестьян, провинции пустеют от турецких набегов и насилий крупных землевладельцев (стр. 14); если Алексей I положил предел неограниченному господству чиновничества и дворянства, при его внуке они снова поднимают голову (стр. 16).

Разумеется, не характеристики Мануила и Андроника составляют то новое и значительное, что отличает маленькую книгу Радойчича. Главное заключается в том, что югославский ученый впервые попытался выяснить расстановку общественных группировок к моменту смерти Мануила. По его словам, при Мануиле власть принадлежала военной аристократии, чиновничеству и динатам, тогда как оппозицию составляли клир, константинопольские горожане и провинциалы (стр. 97 и сл.). Социальные противоречия дополнялись этнической и религиозной рознью: знать опиралась на латинян, оппозиция объединялась под православными лозунгами.

Опираясь на константинопольских горожан и провинцию, Андроник пришел к власти (стр. 99). Однако оппозиционные силы еще не созрели для управления государством: константинопольский плебс не мог выдержать длительную полосу реформ, а привлечение провинциалов к управлению оказалось в византийских условиях совершенно невиданным делом⁷¹.

Опять-таки и с этим конкретным анализом социальных противоречий можно и нужно спорить. Он возвращает нас к тезису де Сегюра и Иорги — о порочном народе и выдающемся императоре. К тому же Радойчич неточен: клир, например, не являлся особой социальной группой и многие представители высшего духовенства активно поддерживали Андроника. Но стоит ли говорить о частностях, когда Радойчич поставил вопрос принципиально по-новому, развив едва намеченную Гельцером тенденцию. «По мнению автора, — писал рецензент книги Радойчича К. Иречек, — длительная борьба между императором Мануилом и Андроником была вызвана не личными, а принципиальными расхождениями»⁷². Иречек не решается еще сказать «социальными», а между тем дело обстояло именно так.

Подробная статья Коньяссо и по выводам и по методам близка к труду его югославского предшественника, отличаясь, пожалуй, лишь некоторыми нюансами.

По мысли Коньяссо, Алексей I начал дело обновления (*l'opera di rinnovamento*), продолженное его сыном и внуком. Но если первоначально Комнины ставили своей задачей как внутреннее, так и внешнеполитическое возрождение, то впоследствии они ограничились лишь внешнеполитическими целями⁷³. Грандиозная завоевательная программа Мануила привела к колоссальной растрате человеческой энергии и средств. Ссылаясь на Шалагодона, Коньяссо пишет, что «все классы населения» были недо-

⁷¹ E. Gerland. Op. cit., S. 201.

⁷² С. Jireček. — BZ, 17, 1908, S. 182.

⁷³ F. Cognasso. Partiti politici e lotte dinastiche in Bisanzio alla morte di Manuele Comneno. — «Memorie della Reale accademia delle scienze di Torino. Cl. di sc. morali, stor. e filol.», Ser. II, t. LXII, 1942, p. 278.